

Квартал Инин в Чанъане. Резиденция государственного наставника

Стояла глухая зима, самый разгар двенадцатого лунного месяца, но в саду пышно цвели красные сливы. Посреди этого великолепия высилась одинокая открытая беседка, продуваемая ледяными ветрами. Её хозяин, словно не замечая стужи, неторопливо перебирал струны семиструнного циня, лежащего на столике.

Верхняя дека инструмента была вырезана из павловнии, нижняя — из пихты. Весь корпус покрывал густой пурпурный лак, испещрённый тонкими трещинками, напоминающими узор на змеиной коже. Любой знаток музыки без труда узнал бы этот инструмент. То был легендарный «Цзюсяо Хуаньпэй» — творение Лэй Вэя, основателя прославленной династии мастеров из Ичжоу. Всего в Поднебесной насчитывалось четыре таких циня, и каждый испокон веков хранился в императорской сокровищнице.

Но раз уж один из них оказался в руках государственного наставника, это наглядно доказывало, насколько безграничной милостью государя тот пользовался.

Звучание инструмента, глубокое, резонирующее и безупречно чистое, соответствовало его величественному и строгому облику. О таком звуке в поздние времена поэт Су Ши напишет: «Весенний ветер дышит мягко, и чист нефритовый напев; так ласточки щебечут робко, так старый дракон ревёт из бездны вод».

Струны звенели, точно сталкивающиеся яшма и сталь, тая в себе глухой ропот надвигающейся битвы. Но вот тонкие, узловатые пальцы очертили плавную дугу, и мелодия сделалась ледяной, тягучей, а затем резко оборвалась. Дыхание слушателя невольно перехватило, тяжёлый ком сдавил грудь — как вдруг звуки полились вновь, но теперь в них зазвучало величие уединения, благородство мудреца, отринувшего мирскую суету. В этой игре сквозило такое противоречие, словно играли два совершенно разных человека.

Прежде чем страж, стоявший за спиной, успел заговорить, музыкант поднялся. Широкие рукава свободного одеяния всколыхнулись, длинные чёрные волосы рассыпались по плечам — во всей его осанке сквозило величие бессмертного, сошедшего с небес.

Он небрежно взмахнул рукавом, и стоявшая поодаль служанка поспешно и бережно убрала драгоценный цинь.

Государственный наставник — Шангуань Фэнлань — неторопливо повернулся к прибывшему.

— Что случилось? — негромко спросил он.

Цинсюань почтительно сложил ладони.

— Из Янчжоу докладывают, господин, — заговорил страж. — Губернатор Ди Чунь не получал

вестей от принца Чу. И никаких подозрительных лиц в его окружении замечено не было.

Наставник устремил безучастный взгляд на окутанный туманом пруд. Его голос прозвучал подобно шелесту ветра в бамбуковой роще:

— Он ранен... Куда же он мог скрыться?

Эти слова прозвучали то ли вопросом, то ли тихим размышлением вслух.

В беседку торопливо вошёл управитель и склонился в поклоне:

— Господин, прибыл принц Ци.

Наставник лишь равнодушно обронил:

— Приму его в передней зале.

В передней зале принц Ци, У Чэнчжунь, завидев вошедшего Шангуань Фэнланя, не сумел сдержать торжествующей усмешки.

— До меня только что дошли вести! — самодовольно произнёс он, едва скрывая ликование. — Мой уродливый четвёртый братец так и не добрался до Янчжоу!

По законам империи принцы не имели права покидать столицу без высочайшего соизволения, а уж тем более заводить тайные сношения с местными чиновниками и военачальниками. Принц Чу выехал из Чанъаня по личному указу императора и направлялся строго в Янчжоу. Малейшее отклонение от маршрута грозило бедой: если недоброжелатели проведают, что его там нет, они мигом обвинят его в сговоре с провинциальными наместниками и подготовке мятежа.

Именно этот замысел созрел в голове принца Ци, и он явился к государственному наставнику, рассчитывая на поддержку.

Шангуань Фэнлань взглянул на сияющего от радости гостя, искусно скрыв мелькнувшее в глазах раздражение.

— Я понимаю, к чему клонит Ваше Высочество, — холодно ответил он. — Однако вынужден не согласиться.

Принц Ци недовольно нахмурился.

— Это ещё почему?

— Подумайте сами, — неторопливо пояснил Шангуань Фэнлань. — Что, если принц Чу просто решил ехать инкогнито, облачившись в простое платье, дабы лично разузнать о положении дел в провинции? Как тогда Ваше Высочество намеревается выкручиваться? С таким противником шутить нельзя. Его нужно бить наповал, раз и навсегда. Второго шанса он нам не оставит.

Принц Ци растерянно замолчал, не зная, что возразить.

— Вы лишь спугнёте змею, — подвёл итог наставник. — Принц Чу станет осторожнее и начнёт приглядываться к вашим шагам. Не забывайте, что в его руках сосредоточена власть над Военным ведомством. Ссориться с ним раньше времени — непозволительная роскошь для Вашего Высочества.

Принц Ци привык считать себя выше прочих. Замечания наставника уязвили его гордость, он недовольно поморщился, однако превозмог себя и вежливо склонил голову:

— Мой многоуважаемый дядя, как всегда, зрит в самый корень. Спасибо за совет.

Едва принц Ци покинул усадьбу, в залу вернулся Цинсюань.

Шангуань Фэнлань уже занялся приготовлением чая. Не отрывая взгляда от прессованного чайного блина, который медленно грелся над углями, он спросил:

— Ну и как наш гость?

— Его Высочество так раздосадован, что на выходе пнул и расколол каменную чашу с карликовым деревом в саду, — ответил страж.

— Хм... Не трогайте её. Пусть так и стоит, — наставник холодно и язвительно усмехнулся.

Цинсюань удивлённо взглянул:

— Оставить как есть? Расколота кадка посреди двора выглядит неряшливо. Если кто из знатных гостей увидит, сочтут за неуважение.

Шангуань Фэнлань не ответил. Тонкими изящными пальцами он сжал бамбуковые щипцы, перенёс поджаренный чайный блин в ступку и принялся неторопливо, с бесконечным терпением перетирать его в тончайшую пудру. Лицо его оставалось безмятежным, словно он

находился не в столичной резиденции, а в затерянном среди гор древнем храме, окутанном ароматом благовоний.

Просеивая ароматную чайную пыль через шёлковое сито, он негромко промолвил:

— Поверь, через пару дней нам пришлют замену. И не одну.

Цинсюань не до конца понял его мысль, но, заметив, что господин больше не настроен разговаривать, послушно промолчал. Каково же было его удивление, когда спустя пару дней слухи о разбитом вазоне неведомым образом разлетелись по столице. Несколько столичных сановников поспешили тайно прислать в дар резиденции редчайшие карликовые деревья в драгоценных горшках.

Шангуань Фэнлань велел распутать этот клубок до конца и безжалостно выставил за ворота нескольких излишне болтливых слуг, но это случилось позже.

Вода в котле зашумела, и Шангуань Фэнлань процитировал:

— В «Чайном каноне», что напечатан в поместье Пэнлай, сказано: вода при варке проходит три стадии кипения. Когда на поверхности появляются мелкие, как рыбы глаза, пузырьки и слышится едва различимый шелест — это первое кипение. Когда по краям котла вода бьёт ключом, собираясь в жемчужные нити — это второе кипение. А когда влага бурлит и вздымается волнами — это третье кипение.

Цинсюань промолчал. В тонкостях чайного искусства он не смыслил ни бельмеса и искренне не понимал, к чему городить такие сложности. Для него чай служил лишь средством утолить жажду, а пока дождётся всех этих «кипений», умереть от сухости во рту можно. Подобные изыски явно выдумали праздные богачи, которым решительно нечем было занять свои дни. Прежде его господин тоже не отличался такой привередливостью, но с недавних пор всё, что было связано с загадочным поместьем Пэнлай, вызывало у него живейший интерес.

И ведь страж не ошибался. Вся эта премудрость была чистойшей уловкой, которую Цзин Юньшу состряпал по образу древнего трактата Лу Юя ради успешной торговли. Сам Юньшу в чае разбирался слабо и ценителем изысканных сортов никогда не был. Зато он обладал безошибочным чутьём дельца: чем больше тумана и тонкостей напустить вокруг простого листа, тем дороже его можно сбыть. Знатные господа падки на диковины. Цзин Юньшу добивался простого: сделать так, чтобы незнание правил чаепития считалось позором для благородного мужа, а неспособность слагать стихи о чайном паре выдавала в литераторе неотёсанного невежду.

Вскоре чай был готов. Разлив его по пиалам, Шангуань Фэнлань пододвинул одну своему верному стражу.

— Попробуй.

Янчжоу

— Принц Ци не спускает глаз с нашего поместья, — мерно покачивая веером из птичьих перьев, заговорил наставник Шэнь Сунсюнь, военный советник принца Чу.

Этот молодой человек приходился младшим внуком старому великому наставнику Шэнь Мо — учителю самого императора, который на пике славы мудро оставил государственные дела и удалился на покой в родные края с почётным титулом Жун-гуна. Шэнь Сунсюнь и У Чэнсюань дружили с малых лет. Когда будущий принц Чу ушёл на войну, верный друг последовал за ним в качестве советника. Насколько полезными были его советы в ратном деле — вопрос спорный, но веер в его руках выглядел на редкость изящно и весомо.

К своим двадцати восьми годам Шэнь Сунсюнь, подобно своему господину, до сих пор оставался холостяком, наводя тоску на родню. К счастью, у него были старшие братья и сёстры, и бремя продолжения рода на нём не лежало. Сбежав под крыло принца в военный лагерь, он избавился от докучливых наставлений старших, от которых прежде не было спасения.

Шэнь Сунсюнь пересказывал донесения, полученные от верного помощника принца, Ду Хэна. Помахивая веером, он вскоре заметил, что У Чэнсюань витает в облаках и пропускает его слова мимо ушей. Тогда советник нарочно взмахнул перьями шире, обдав принца прохладным потоком воздуха. В народе принца Чу величали свирепым демоном во плоти, но Шэнь Сунсюнь, разумеется, ни капли его не боялся.

У Чэнсюань очнулся от раздумий и взглянул на друга.

— Какое сегодня число?

Шэнь Сунсюнь опешил от столь внезапного вопроса, но послушно прикинул в уме:

— Шестнадцатое число двенадцатого месяца. О чём это задумалось Ваше Высочество?

У Чэнсюань посмотрел в окно на хмурое зимнее небо и тихо обронил:

— Пожалуй, ему уже пора прибыть.

Видя, что великий полководец ушёл в себя так глубоко, как бывало нечасто, Шэнь Сунсюнь с досадой воскликнул:

— Ваше Высочество!

Тот благосклонно удостоил его взглядом.

— Я толкую о том, чтобы направить официальное приглашение губернатору Ди Чуню, — напомнил советник.

У Чэнсюань резко поднялся с места.

— После обсудим, — бросил он, закрепил на поясе меч и направился к выходу.

Шэнь Сунсюнь поспешно вскочил, подхватил со стула тёплый плащ и бросился следом за ним.

Они миновали оживлённые городские улицы и выехали к речной пристани. Придержав коня, У Чэнсюань взгляделся в мутные речные волны.

— Раз уж он держит путь с юго-запада, то непременно причалит к этой пристани, — проговорил он.

Шэнь Сунсюнь уже сгорал от любопытства, но его господин упрямо молчал, точно запечатанный кувшин, выдавая лишь туманные намёки.

Близился Праздник весны — время, когда затерявшиеся на чужбине путники спешат к родному очагу, а горожане суетливо снуют по лавкам в поисках новогодних припасов. На восточном и западном рынках яблоку негде было упасть, да и у причалов толпился народ. Лодки сновали без остановки, оглашая окрестности зычными криками лодочников.

Шэнь Сунсюнь проследил за взглядом принца, устремлённым на речную гладь, и, потеряв терпение, перехватил поводья его коня.

— Ваше Высочество! — взмолился он. — Мы уже на месте. Скажите наконец на милость, ради кого вы потеряли покой, кого выискиваете глазами среди этой толпы? Кто заставил сурового воителя так трепетно ждать встречи?

У Чэнсюань носил простую серебряную полумаску, скрывавшую верхнюю половину лица и оставлявшую открытым лишь волевой подбородок. Шэнь Сунсюнь не мог угадать выражения его лица, но поймал на себе его горящий, сосредоточенный взгляд, который тут же вновь скользнул к воде.

Решив, что ответа вновь не дожждётся, советник набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить расспросы, как вдруг принц тихо, с едва различимой грустью произнёс:

— Я и сам не знаю.

Признание прозвучало на редкость загадочно. Чего он не знал? Кем был этот человек? Или просто не находил нужных слов?

Шэнь Сунсюнь помолчал, а затем лукаво прищурился:

— Неужто Ваше Высочество пленился какой-то прелестной девой и приехал сюда дожидаться своей суженой?

Принц проигнорировал шутку. Советник уже приготовился съязвить ещё раз, как вдруг со стороны дороги донёсся многоголосый шум. Оба всадника обернулись. К пристани приближалась вереница из пяти крытых повозок. Лошади под ними лоснились от сытости и силы, сами экипажи были плотно обиты войлоком для защиты от стужи, а узорчатые занавески на окнах выдавали руку искусных вышивальщиц. Без лишней кричащей роскоши, но с исключительным вкусом — сразу становилось ясно, что едет человек небывалого достатка и высокого положения.

Повозки выстроились у причала. Из первого экипажа расторопно выскочил человек, похожий на управляющего, и услужливо подставил плечо своему хозяину. Следом степенно вышел немолодой купец с козлиной бородкой, одетый в добротный халат и шёлковую шапку-футоу. Опираясь на руку слуги, он сошёл на землю, и они вместе направились к кромке воды, оказавшись чуть впереди лошадей Шэнь Сунсюня и принца.

Купец с тревогой вгляделся в туманную речную даль.

— Всё ещё нет, — раздосадованно пробормотал он.

— Должно быть, судно задерживается из-за ветра, — успокаивающе произнёс управляющий. — Хозяин, вернулись бы вы в тепло, негоже на таком холоде стоять.

Купец только открыл рот, чтобы возразить, как вдруг его взгляд упал на приближающийся к пристани двухпалубный речной корабль.

— Гляди! — воскликнул он, указывая пальцем. — Скорее беги к мосткам, проверь, не они ли!

Договаривая на ходу, он сам торопливо засеменил к причалу.

— Пойдите, хозяин, поберегите ноги! — закричал ему вслед слуга.

— Наконец-то добрались... — со вздохом облегчения произнёс Цзин Юньшу.

Он поднялся с циновки в каюте, позволяя служанке Чжили бережно расправить складки на его синем стёганом халате с изящным белым узором. Привычным жестом спрятав озябшие ладони в просторные рукава и крепко сжав тёплую грелку, юноша вышел на палубу.

— Осторожнее, господин, — Чжили бережно придерживала его под локоть, пока они спускались по сходням на берег.

Накануне бушевала метель, но сегодня небо прояснилось, и мир предстал в ослепительном зимнем убранстве. Яркое солнце заливало реку холодным светом, заставляя свежий снег на ветвях прибрежных деревьев и каменных перилах моста гореть нестерпимым, алмазным блеском.

Почувствовав под ногами твёрдую землю после многодневной качки, Цзин Юньшу заметно приободрился.

Купец, так настойчиво высматривавший корабль, прищурился, разглядывая окружённую слугами фигуру, и неуверенно спросил:

— Послушай... Неужто это наш молодой господин Шу?

— Он! Точно он, глаза меня не обманывают! — обрадованно подхватил управитель и поспешил вслед за хозяином навстречу прибывшим.

Благодатный край Цзяннань испокон веков славился богатством и утончёнными мужами, однако даже в этих краях Цзин Юньшу выделялся с первого взгляда. И дело было не только в его благородной, почти прозрачной бледности, выдавшей слабое здоровье. В его осанке, неторопливых движениях и мягком взгляде сквозило то неуловимое, отрешённое величие, каким обладали лишь мудрецы ушедших эпох Вэй и Цзинь — истинная независимость духа и безупречное благородство.

То было сытое, цветущее время, когда в цене была пышная, здоровая красота, а в одежде и живописи ценились сочные, кричащие краски. На этом фоне Цзин Юньшу казался выходцем из другого мира. Тонкий, хрупкий юноша в одеждах пастельных тонов с широкими рукавами олицетворял саму суть древней простоты и того, что великие поэты прошлого именовали «свободой от земной пошлости». Он не вписывался в кричащую роскошь нынешнего дня, но именно эта отрешённость рождала пленительную, щемящую гармонию истинной классики.

Каждый его жест дышал врождённым изяществом, а почтение, с которым его обступали слуги, казалось столь естественным, точно он был рождён для преклонения.

Шэнь Сунсюнь тоже застыл в седле, не в силах отвести глаз от незнакомца.

— Чьих же кровей этот благородный юноша? — в изумлении прошептал советник. — С каких пор в Янчжоу появились столь дивные лица?

Он оглянулся на принца Чу. Тот, кто ещё мгновение назад искал кого-то в мутных водах реки, теперь пристально смотрел на молодого господина Шу.

<http://bllate.org/book/18296/1759223>